

Галинова Н. В. Семантическое своеобразие гнезда **mork*- в русских говорах / Н. В. Галинова // Научный диалог. — 2020. — № 2. — С. 53—69. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-53-69.

Galinova, N. V. (2020). Semantic Originality of the Nest **mork*- in Russian Dialects. *Nauchnyi dialog*, 2: 53-69. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-53-69. (In Russ.).

УДК 811.161.1'373.612

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-53-69

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ГНЕЗДА **MORK*- В РУССКИХ ГОВОРАХ¹

© Галинова Наталья Владимировна (2020), orcid.org/0000-0001-7290-4226, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), nvgalinova@yandex.ru.

Анализируется семантическая структура гнезда **mork*- 'мерцать' в русских народных говорах. Приводится обширный лексический материал, извлеченный из диалектных словарей, а также неопубликованных картотек, содержащих материалы полевых сборов Топонимической экспедиции Уральского университета (Русский Север и Верхнее Поволжье). Предлагается и доказывается гипотеза о том, что значения континуантов **mork*- оказываются связанными с разными стадиями мерцания, представляющего собой возвратное движение, когда на первый план выходит одна из крайних точек (тьма или свет) либо актуализируется промежуточная стадия — движение от света к полной темноте и наоборот. Осуществляется тематико-мотивационная классификация диалектной лексики, в ходе которой выделяются два основных смысловых блока: «Природа» и «Человек» (третий блок «Предметный мир» крайне мал и содержит значения, производные от сферы «Человек»). Подчеркивается, что в первом блоке реализуется преимущественно метеорологическая семантика, в то время как во втором наблюдается широкий разброс значений (поведенческие, коммуникативные, перцептивные, относящиеся к сфере физиологии, психической, интеллектуальной деятельности и др.). Анализируются контаминационные процессы, актанты которых становятся элементами изучаемого гнезда (при аттракции к продолжениям *мор*-, *смород*-, *морщ*- и др.). Предлагается объяснение явлению энантиосемии, наблюдаемому в семантическом пространстве изучаемого гнезда.

Ключевые слова: русская диалектология; лексикология; этимология; деривационная семантика; семантический переход; этимолого-словообразовательное гнездо.

1 Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00385 «Словарь говоров Русского Севера: дополнительные материалы». Автор выражает благодарность В. С. Тресковой за помощь в сборе материала к настоящей статье.

1. Вводные замечания

Важнейшая задача современной этимологии и семантико-мотивационной реконструкции — изучение семантической структуры этимолого-словообразовательных гнезд, в ходе которого определяются основные линии, диктующие логику развития значений в гнезде, что не только способствует решению собственно семантических и лексико-типологических задач, но и помогает проэтимологизировать «темные» элементы гнезд с опорой на «светлые» (см. [Березович, 2014, с. 5—23; Варбот, 2008; Толстая, 2013] и др.). При выборе гнезд, подвергаемых такому исследованию, важно учесть древность гнезда, его разветвленность, сочетание в нем конкретных и абстрактных значений, потенциальную способность элементов гнезда становиться актантом контаминационных процессов (что требует выработки семантических оснований для «разведения» по гнездам различных слов, входящих в одно морфо-семантическое поле).

В настоящей статье изучается гнездо, удовлетворяющее этим требованиям: гнездо **mork-*, которое связано отношениями чередования гласных с **merk-//*myrk-* (о нем см. в [ЭССЯ, т. 18, с. 98—99; т. 19, с. 234—236; т. 21, с. 133—135]). Если говорить о русском литературном языке, то это гнездо включает в себя как «световую» лексику (*мерцать, мрак, сумерки*), так и слова, входящие в круг различных характеристик человека — физиологических, «деятельностных» и проч. (*мороза, обморок*). Эта обширная группа слов восходит к и.-е. **mor-//*mer-//*myr-*, к числу континуантов которого относятся, например, важные «культурные» слова *Мара, (Кики-) мора*, обозначающие персонажей мифологии (об этимологических проблемах, связанных с гнездом **mer-*, см., например, в [Белетич и др., 2013; Меркулова, 1972] и др.). Элемент *-k-* является расширителем, появившимся на славянской почве. Основа с этим расширителем имеет семантику мерцания, которая, по сути, отражает представления о возвратном движении.

Семантическая реконструкция, осуществляемая в настоящей статье, базируется на гипотезе о том, что значения континуантов исследуемого гнезда связаны с разными стадиями колебательного, возвратного движения, когда либо выходит на первый план одна из крайних точек (свет или тьма), либо актуализируются промежуточные стадии — движение от света к полной темноте и наоборот. По этим причинам в гнезде нередко развиваются энантиосемичные значения, определяемые характером доминируемых реалий.

Соотнося характеристику данного гнезда с тем, что говорилось в начале статьи об общих задачах изучения семантической структуры этимолого-словообразовательных гнезд, отметим, что рассмотрение продолже-

ний **mork-* значимо не только в плане семантики (как синхронной, так и исторической), но и в плане этимологии и семантической реконструкции. Данное гнездо дает в говорах большее количество элементов, чем в литературном языке (что связано, в частности, с особой значимостью для диалектной семантической системы метеорологических значений, составляющих смысловой фундамент **mork-*), отсюда наше обращение к русской диалектной лексике, в которой изучаемое гнездо еще не подвергалось «инвентаризации».

Исчерпывающее рассмотрение гнезда **mork-* с огласовками могло бы быть представлено в солидной монографии; поэтому в настоящей статье мы проанализируем русские диалектные слова, корень которых имеет огласовку *морок*¹. Эта огласовка наиболее продуктивна, что диктует необходимость начинать изучение гнезда именно с нее. Важно и то, что элементы исследуемого гнезда в огласовке **mork-* встречаются во всех основных группах русских народных говоров — в севернорусских, южнорусских и среднерусских, а также в дочерних по отношению к европейским говорам Урала и Сибири.

Лексический материал велик, поэтому мы не ставим цель привести его полностью, а ограничиваемся наиболее показательными примерами. Анализ ряда русских диалектных слов, относящихся к данному гнезду и отмеченных в говорах Алтая, представлен в [ИЭРГА, т. 6, с. 322—327]; мы учитываем этот словарь, как и другие этимологические работы (в первую очередь ЭССЯ), однако он содержит только некоторый бесприставочный диалектный материал, к тому же, разумеется, в его задачи не входит семантическая интерпретация указанного гнезда.

При сборе материала возникает ряд проблем, связанных с необходимостью отграничить элементы гнезда **mork-* от элементов других гнезд, близких фонетически и семантически (а иногда и генетически). Так, следует различать продолжения **mork-* и **mor-* со значением умирания (о последнем см. в [ЭССЯ, т. 19, с. 250—251]), при этом **mor-* в данном случае выделяется на праславянском уровне (на индоевропейском эти гнезда не обособляются, см. выше). Например, арх. *вьморок* ‘человек, переживший своих родных и знакомых’, ‘вещи, оставшиеся после умершего’ [АОС, т. 8, с. 24], ‘бесплодная земля’ [СГРС, т. 2, с. 237] образовано в гнезде *мор-* (с суффиксом *-ок*), а не *морок* (в отличие от костр. *вьморок* ‘туман’ [ЛКТЭ]), принадлежность которого к гнезду *морок-* можно доказать семан-

1 Мы обращались к изучению этого материала в предварительной публикации [Галинова и др., 2019]. Настоящая статья существенно расширяет материалы и выводы, представленные в предшествующем тексте.

тически, см. далее). Однако в ряде случаев произвести такую дифференциацию крайне трудно из-за многочисленных вторичных притяжений.

Из-за древности изучаемого гнезда, о которой говорилось выше, при сборе материала необходимо моделировать возможность присутствия в изучаемом гнезде образований с древнейшими приставками (например, *па-*, *су-*).

И последнее замечание. Материал, рассматриваемый в статье будет подан по важнейшим смысловым блокам: «Природа», «Человек», «Предметный мир». Разумеется, семантика продолжений гнезда богаче, чем эти три сферы, но для того, чтоб подача значений была концептуальной и одновременно компактной, мы в ряде случаев рассматриваем смежные смыслы, непосредственно связанные с базовыми группами, не отдельно, а условно приписав их к базовым группам (например, значение 'мираж' подается вместе со значением 'туман').

2. Континуанты **mork-* со значениями из сферы «Природа»

Данная сфера представлена в первую очередь значениями, относящимися к световым явлениям в атмосфере, которые сопровождают различные метеорологические процессы. Это главным образом **пасмурная погода**: диал. шир. распр. *мóрок* 'пасмурная, ненастная погода; облачность; облачно, пасмурно': «Морок: солнышко не видно. Ни дождь, ни ведро: облако низко навалилось» (арх.) [СРНГ, т. 18, с. 272], влг. *сúморочь*: «Суморочь — это когда дождя нет и солнца нет, и облака на небе» [Там же, т. 42, с. 241], арх. *заморóчка* [АОС, т. 18, с. 128], арх., олон. *запáморочить* 'стать пасмурным' [Там же, с. 282; СРНГ, т. 10, с. 301], свердл., перм. *морочáть* 'становиться пасмурной (о погоде)': «Морочат, морочат, а дожда нет» (свердл.) [АС, т. 2, с. 142; СРГСУ, т. 2, с. 142], нвсиб. *мóрок натяга-ет* 'становится сумрачно из-за сплошной облачности' [СГРС, т. 2, с. 293], якут. *памóрочный* 'пасмурный' [СРГЯ, т. 2, с. 131], *мóрочно* арх. 'ненастно' [Подвысоцкий, 1885, с. 92], перм. 'пасмурно' [АС, т. 2, с. 142], краснаяр. *подмóрок* 'сумрачная погода перед дождем' [СРГС, т. 3, с. 32], арх. *нáморок* 'то же' [КСГРС], свердл. *умóрошной* 'пасмурный, сумрачный': «Уморошный день, сонса нету, дожа нету, только морок» [СРГСУ, т. 6, с. 128] и т. д.

Помимо общей характеристики пасмурной погоды, лексические ресурсы исследуемого гнезда используются для обозначения ее 'носителей', ср. значения '**туча**', '**облако**' (север., сиб., урал. *мóрок* [СРНГ, т. 18, с. 272], байкал., перм., влг. *морóко* [Там же, с. 274], яросл. *морокá* [ЯОС-Д, т. 2, с. 29], арх., влг. *нáморок* [КСГРС], ср.-урал. *морокáнь* [СРГСУ, т. 2с. 141], горно-алт. *морочíнка* [СРНГ, т. 18, с. 276], арх. *поморóчинка*

[Там же, т. 29, с. 225], ср.-урал. *солнышко в ўморок село* ‘закат в тучах’ [СРГСУ, т. 6, с. 128]) и др.

В представленных значениях актуализируется сема ‘нечто темное’: мерцать → мрак → быть темным → туча. Значения ‘**туман**’ (север., сиб., поволж., урал. *мо́рок* [СРНГ, т. 18, с. 272], коми *морочо́к* [Там же, с. 275], вят., тамб. *моро́ка* [Там же, т. 273], костр. *о́бморок* [Там же, т. 22, с. 134], арх., влг., костр. *па́морок*: «Большой сегодня паморок, соседний дом не различишь» (влг.) [КСГРС; ЛКТЭ], костр. *вы́морок* [ЛКТЭ]) и ‘**призрак**’ (курск. *моро́ка* [СРНГ, т. 18, с. 273]) связываются с промежуточным состоянием между темнотой и светом, при этом для семантики «призрачности» можно предложить и другую мотивацию: актуализируется динамика, сам процесс мерцания, появление и исчезновение света.

Значения ‘**дождь (обычно мелкий)**’ (свердл., влг., арх., нвсиб., камч. *мо́рок* [Там же, с. 272], костр. *измо́рок* [ЛКТЭ], томск. *изморочь* [СРНГ, т. 12, с. 150], арх. *мороковой дождь* [АОС, т. 18, с. 7], костр., влг. *мороку́шка*: «Небо затягат да морокушка пойдёт» (костр.) [СГРС, т. 7, с. 330; ЛКТЭ], орл. *па́морок* [СОГ, т. 10, т. 14], яросл. *па́морочка* [ЯОС, т. 8, с. 80], влг. *Суморок*: «Суморок маленький морошит» [СГРС, т. 7, с. 334], влг. *суморочна* ‘мелкий дождь, изморось’: «Седни весь день суморочна идет» [СРНГ, т. 42, с. 241]), ‘**идти мелкому дождю**’ (костр., перм. *мороча́ть* [Там же, т. 18, с. 275; ЛКТЭ], яросл. *морочоси́ть* [ЯОС-Д, т. 1, с. 29]), ‘**о дождливой погоде**’ (забайк. *мороча́ ходют* [СРНГ, т. 18, с. 272]) и др. также обусловлены неполнотой признака темноты / света, так как номинируется моросающий дождь, во время которого становится пасмурно, однако до состояния кромешной темноты не доходит.

Кроме того, на появление «дождевых» значений влияет аттракция к литературному *моросить*, диал. *мо́рох*, *мороча́* ‘мельчайший дождь’ и др., которые возводятся к **moršiti* [ЭССЯ, т. 19 с. 222, 240—241]. В целом ряде случаев дифференцировать элементы гнезд *морок-* и *морос-* можно только на формальных основаниях. Это относится, например, к печор. *па́морочной* (*морок-*) и *па́моросной* (*морос-*) ‘без солнца, пасмурный’, ‘с мелким моросающим дождем’ [СРГНП, т. 2, с. 7]: условность отнесения этих слов к разным гнездам усиливается тем, что в печорских говорах наблюдается мягкое цоканье — и слово *паморочной* реально произносится как *памороцной*: «Памороцна погода, дош, говорят, надо быть будет» [Там же], то есть практически идентично *па́моросной*. Дериваты этих корней с одним и тем же значением могут сосуществовать и в одном и том же говоре (ср. говор Устюженского района Вологодской области, где фиксируются формы *па́морочь*, *па́морось*, *па́мороть*, *па́морощь* в значении ‘мел-

кий дождь' [КСГРС]), и в языковом сознании одного человека (влг. «Соседи говорят “морокуша пошла”, а у меня сродники говорили “морощея”» [СГРС, т. 7, с. 334], башк. «Изморос', а у нас говорят измороч'» [СРГБаш, 2008, с. 130]); возможны даже контексты, включающие в себя слова, которые на формальных критериях могут быть генетически разведены, а в реальной языковой практике не разводятся: влг. «Морочуга моросит» [СГРС, т. 7, с. 333].

Интересно и показательно, что в лексической системе говоров оказываются зафиксированными и представления носителей языка о стадии **прояснения**, ср. новг. *мóроко*: «на Ильмени так говорят, когда бывает свежо и ясно» [СРНГ, т. 18, с. 274]. «Подготовительный этап» перед прояснением фиксируется в амур. *морокá перегорели* ‘облака стали цвета заката, что предвещает ясную погоду’ [Там же, с. 273]: это выражение как нельзя лучше подтверждает наше предположение об отражении в изучаемом гнезде стадий процесса мерцания, колебательного свечения.

Метеорологические явления, связанные с *морокком*, как правило, длительны и одновременно трудноуловимы для восприятия, «призрачны», не имеют начала и конца, что порождает абстрактную семантику **исчезновения** (костр. *мóроком пропасть* ‘пропасть, исчезнуть’: «Куда делся-то? Ну, точно морокком пропал» [ЛКТЭ]), основанную также на семе постепенности: костр. *мóроком* ‘постепенно (об исчезновении воды)’: «Когда бывает сходит вода морокком, дак не заливат, снег натает, а в ночь подморозит» [ЛКТЭ]. Далее семантика исчезновения может дать значение умирания: костр. *мóроком исходить*: «Он к смерти гонится, так морокком и исходит, погибается» [ЛКТЭ].

3. Континуанты **mork-* со значениями из сферы «Человек»

Другой базовый блок значений, реализующихся в гнезде **mork-*, связан со сферой человека, главным образом с его **поведенческими, коммуникационными** и прочими характеристиками. Если вернуться к нашей рабочей гипотезе о том, что концептуальной основой изучаемого гнезда является представление о возвратном световом движении, то следует предположить, что в основе «человеческих» значений из сферы поведения и коммуникации нередко лежит переосмысленный признак остановки движения в стадии темноты.

В некоторых случаях речь идет о «буквальной» темноте: арх. *морокúша* ‘о человеке, долго работающем по вечерам’ отражает перенос по смежности «темнота → работа в темное время суток». Чаще поведенческие значения формируются на основе метафорического переноса: например,

для перм. *морóкаться* ‘жаловаться на что-либо, высказывать неудовольствие чем-либо’ [СРНГ, т. 18, с. 73] можно восстановить семантическую цепочку ‘обволакивать мраком’ → ‘окутывать жалобными словами, словно темнотой’ → ‘жаловаться’. Метафорический перенос дает также значения из сферы **темперамента** (яросл. *суморочный* ‘угрюмый, мрачный (о человеке)’): «Какой ты суморочный сегодня» [Там же, т. 42, с. 241]) и **эмоциональных состояний** (арх. *промороковать* ‘проскучать’: «Может, еще неделю как-нибудь проморокуете, что морокует, что печалится, скучать, сидеть — одно» [Там же, т. 32, с. 189], омск. *мóрок берет* ‘становится страшно’: «Как он <самолет> летит, дак меня морок берёт» [СРГС, т. 2, с. 294] и др.).

В целом ряде случаев значения из поведенческой сферы и сферы психической жизни человека оказываются производными не от семантики мрака или света, а от более специализированных «природных» значений. Так, значение ‘тосковать, скучать’ (вгл. *мороковать*) метафорически связано с ‘идти мелкому дождю’ и обусловлено представлением о затяжном характере моросящего дождя, идущего в пасмурную погоду, ср. также свердл. *мóрошно* ‘дождливо’ → ‘скучно, грустно’ [СРНГ, т. 18, с. 276]. Гораздо реже встречается обратное («природные» значения формируются на основе «человеческих»), что можно предполагать в вгл. *óморок* ‘водоворот, омут’: «Вот когда крутится в реке — это оморок» [СРГК, т. 4, с. 200].

Чаще всего значения из ‘человеческой’ сферы формируются на основе ‘световых’. Восприятие разнообразных человеческих качеств и состояний оказывается сродни «окутыванию» темнотой. Болезни, связанные с **нарушениями зрения, сознания**, головокружением, дурнотой, «покрывают» человека, словно мрак: арх. *заморочило в голове* ‘помутилось сознание’ [АОС, т. 18, с. 128], тульск. *мóрок* ‘о слепоте’ [СРНГ, т. 18, с. 272], омск. *морочать* ‘терять сознание, падать в обморок’ [Там же, с. 275], дон. *вóморок*, дон. *обморóченный* ‘страдающий обмороком’ [СРДГ, т. 2, с. 193], курск., орл., новг. *пáморок* ‘обморок’ [СРНГ, т. 25, с. 185], орл. *пáморочный* ‘утративший способность здраво рассуждать’ [СОГ, т. 10, с. 14], орл. *пáмороки найдут* ‘об обморочном или полуобморочном состоянии’: «Ну што ты впиялась в пальцы? Брось шить, а то памърьки найдуть» [Там же], яросл. *морок* (уд.?) ‘припадок эпилепсии’ [ЯОС, т. 6, с. 59], дон. *обморóченный* ‘страдающий припадками эпилепсии’: «Он давно абмарочинный, три года маица» [БТДК, 2003, с. 328], дон. *сморóчить голову* ‘утратить разум от переживания’: «Иво атец тожы голаву смарочил, Типеря нинармальный, касой» [Там же, с. 496], пск. *óморок* ‘недомогание, сопровождающееся головокружением, тошнотой’: «Фсё болька, галава,

оммарак, йись ни хацу» [ПОС, т. 22, с. 245], смол. *pámorok водит* ‘о состоянии, при котором человек не может разумно рассуждать’, пск. *pómorochь* ‘беспамятство; оцепенение от сильного волнения, потрясения’ [СРНГ, т. 29, с. 25], орл., смол. *морочі́ться* ‘терять рассудок, ум’: «Головушка моя морочится. Пойду к доктору лечиться» (орл.) [Там же, т. 8, с. 276], смол. *поморочі́ться* ‘утратить ясность сознания, рассудка’ [ССГ, т. 8, с. 169], селигер. *уморочный* ‘обморочный, бессознательный’: «Скоро уже будет уморочное состояние» [Селигер, т. 7, с. 358], арх. *заморочать* ‘заморозить’: «Заморочает наши глаза, темно там, как зимой звезд назвезжено» [СРНГ, т. 10, с. 257] и т. п. В последнем контексте, вероятно, имеется в виду ощущение «мерцания», ряби в глазах, которое вербализовано также в влг. *мороча́шки заходят* ‘о ряби в глазах от сильного удара’ [СГРС, т. 7, с. 330]. Это выражение интересно тем, что передает именно динамику светового восприятия, значимую, как говорилось выше, для изучаемого гнезда.

Заметны в семантической структуре рассматриваемого гнезда значения, связанные с **обманом**, который создает вокруг человека непроницаемую темную пелену: сиб. *мо́рок* ‘хитрость, плутовство, обман’ [СРНГ, т. 18, с. 273], зап.-брян. *морочливый* ‘неискренний, имеющий привычку обманывать, говорить неправду’: «Ен таки морочливы, что хоть кто, дак обмане» [Там же, с. 276], костр., смол. *обморок*, яросл. *обморок* ‘обманщик, лгун’ [Там же, т. 22, с. 134], пск. *обморот*¹ ‘то же’ [Там же, с. 170; ЯОС, т. 7, с. 14], оренб. *обморочка* ‘очковтирательство, обман’ [Малеча, т. 3, с. 26], пск. *обморок* ‘состояние заблуждения, обмана’ [СРНГ, т. 22, с. 134], курск., орл., калуж. *выморочивать* ‘получить что-либо при помощи домогательств, лести, хитрости’ [Там же, т. 5, с. 314] и др. На базе семантики обмана, ментального «затемнения» возникают значения ‘забавлять, развлекать, показывая фокусы’ (влад., тамб. *морочить* [Там же, т. 18, с. 276]), ‘загипнотизировать, повлиять на психику, сознание’ (селигер. *обморочать*), ‘страдать галлюцинациями’ (яросл. *морочить* [ЯОС, т. 6, с. 59]), ‘мираж на море’ (север. *морочка* [СРНГ, т. 18, с. 274]) и др. Очевидно, на основе семантики обмана, «переворачивающего» истину, возникает предельно абстрагированное значение ‘наоборот’: костр. *наизморок* ‘наоборот, иначе’: «Мы-то говорим всё на изморок, не как у людей», «Все наизморок сделают, наоборот», «Зимой бегали, шубы выворачивали наизморок, как кулешменцы» [ЛКТЭ].

С этими смыслами оказываются связанными и **демонологические**, а также **колдовские** значения: пск., юж.-урал. *обморок*

1 Результат контаминации с простореч. *обормот*?

‘фантастическое существо, обладающее сверхъестественной силой превращать людей в животных, камни, предметы’ [СРНГ, т. 22, с. 134], влг. *óморок* ‘нечистая сила, черт’ [КСГРС], оренб. *обморóчка* ‘женщина-оборотень’: «Раньше были обморочки, обморачивались в кошков, собаков», *обморочить* ‘превратить человека путем колдования в какой-либо предмет или животное’: «Я возьму тебя, Маринка, возьму обморочу: и сорокою-белобокою, кобылицею водовозною» [Малеча, т. 3, с. 26], юж., зап. *заморóка* ‘о том, кто чарует, напускает морок’ [СРНГ, т. 10, с. 257], арх. *оморóчить* ‘околдовать’ [Там же, т. 23, с. 204], тульск. *заморóчить* ‘околдовать’: «Ночью в лесу много всяких анчуток шляется, заморочат — не заметишь как» [СТулГ, т. 1, с. 26], яросл. *обморóчивать* ‘с помощью чудодейственной силы околдовывать, зачаровывать’ [СРНГ, т. 22, с. 135], влг. *морóчить* ‘колдовать’: «У нас Нинушка колдунья, вот и говорят: Нинушка морочит. Она с лесным дедушкой знакома» [СГРС, т. 7, с. 333], вят. *морочить* (удар.?) ‘приводить кого-либо в беспамятство посредством наговаривания или нащептывания’ [ОСВГ, т. 6, с. 80]. Показательно, что в сфере указанной семантики возможен субъектно-объектный сдвиг: арх., новг. *óморок* ‘о том, кто околдован, зачарован, находится без сознания, без чувств’ [СРНГ, т. 22, с. 134].

Появляются и значения, отражающие признак **затрудненности** при осуществлении каких-либо действий (калуж. *морочиться* ‘идти быстро, запыхавшись, торопясь’ [Там же, т. 18, с. 276]), откуда производны смыслы, связанные с **препятствиями** → **хлопотами** (дон. *заморóка* ‘канитель, хлопотное дело’, дон. *морокóтно* ‘хлопотно’: «С этим делам так маракотна, многа мароки» [СРДГ, т. 2, с. 142]) и далее — **обработкой** чего-либо вообще (влг. *мороковать* ‘обрабатывать, использовать’: «Кожу-то мороковали в деревне, отдашь — тебе и сошьют обутки» [СГРС, т. 7, с. 330]), **длительностью** выполнения чего-либо, растянутостью во времени (арх. *морокуша* ‘о человеке, долго работающем по вечерам’ [СРНГ, т. 18, с. 274], влг., костр., казан. *мóроком* ‘постепенно, понемногу, не явно, незаметно’ [Там же]), а также медлительностью (яросл. *морók* ‘о медлительном человеке’ [ЯОС-Д, т. 1, с. 28], арх. *морокуша* ‘медлительный и нерасторопный человек’ [СРНГ, т. 18, с. 274], новг., арх. *óморок* ‘о неповоротливом, малоподвижном, сонливом человеке’ [Там же, т. 22, с. 34] и др.). В связи с этим интересно, что фиксируется и противоположное значение, передающее представления о **быстро выполняемом действии**: орл. *поморочиться* ‘устремиться, быстро направиться куда-л.’: «Куда еть ты пъмърачильсь с утра параньшы?» [СОГ, т. 10, с. 136]. Истоки этого значения, являющегося, вроде бы, изолирован-

ным, могут быть различны. Есть вероятность, что значение ‘идти быстро, запыхавшись, торопясь’, которое возникло скорее всего при актуализации семы мороки, трудностей, хлопот при выполнении какого-либо действия (ср. также орл. *моркотно* ‘безл. сказ. беспокойно, хлопотливо кому-либо, много дел у кого-либо’ [СРНГ, т. 18, с. 274]), при своем развитии освобождается от семы затруднения в пользу семы поспешности. Другой вариант — проявление семантики вспышки (которая возможна как результат развития семантики мерцания), дающей при метафорическом переосмыслении значение быстрого передвижения (ср. распространенную модель, в рамках которой номинации скоростного передвижения производны от обозначений процесса горения [Борисова, 2016, с. 52—54]). Есть и третий вариант: формирование семантики устремленного действия на основе значения догадки, решения задачи. Возможно, работа с другими огласовками в рамках изучаемого гнезда поможет понять истоки описанной семантики.

Как в случае с «метеорологическими» значениями, в сфере характеристик человека возникает и такая семантика, которая коренится в представлениях о свете как противоположной мраку конечной точке возвратного движения при мерцании. Так, интересна актуализация семы просветления в мыслях, дающая значения из интеллектуальной сферы, которые связаны с **решением ментальных задач**, сообразительностью, смекалкой, умением объяснять, рассуждать: влг., новг. *смороковать* ‘сообразить, додуматься, понять, как что-л. сделать’: «Никто в газету не сморокует написать» [НОС, с. 1109; СРГК, т. 6, с. 177; КСГРС], новг. *сморочить* ‘выдумать, придумать что-либо’ [НОС, с. 1109], ворон. *заморокать* ‘начать соображать, дельно рассуждать’ [СРНГ, т. 10, с. 257], *помороковать* яросл. ‘серьезно подумать над чем-либо’ [ЯОС, т. 8, с. 59], перм. ‘растолковать, объяснить’: «Я думала, что вызябнут ноне травы-те, а баба одна помороковала мне, что корень силу-ту взял, что травы должны ноне быть» [СПГ, т. 2, с. 249; СРНГ, т. 29, с. 224—225], дон. *морочить (головой)* ‘соображать, думать’: «Сядиш краить, галавой марочиш — двадцать рас примериш» [СРДГ, т. 2, с. 142], арх., ср.-урал., перм., рост. *мороковать* ‘думать, соображать’ [СРНГ, т. 18, с. 274], влг. *поморокать* ‘подумать, посоображать’ [КСГРС], свердл. *мороковатой, морочной* ‘сообразительный, смысленный’ [СРГСУ, т. 2, с. 141—142], перм. *размороковать* ‘хорошо объяснить, сделать понятным, ясным’ [АС, т. 5, с. 15], арх. *морочоваться* ‘вспоминаться, приходить на ум’: «Не мороцуется у меня, что и сказать, не знаю» [СГРС, т. 7, с. 332] и т. п. Ср. противоположные значения, в основе которых семантика интеллектуальной «темноты» — возможно, вследствие болезни: яросл. *оморок*

‘о бестолковом человеке’: «Оморок, уж не совался бы куда не надо» [ЯОС, т. 7, с. 44], костр. *пáморок* ‘глупый, несообразительный человек’ [ЛКТЭ]. Возможно, появление «интеллектуальных» значений определяется также тем, что в их основе — идея мыслительного напряжения, преодоления некоторой преграды, связанной с нерешенной задачей, а признак затруднения, преграды, как мы видели, является одним из определяющих для изучаемого гнезда.

Значения ‘думать, соображать’, ‘рассуждать’ и другие при своем развитии дают абстрактное значение органа размышлений — **рассудка, ума** (курск. *пáморок* [СРНГ, т. 25, с. 185]), ср. также фразеологизмы вроде дон. *отишибить пáморочи* ‘утратить способность здраво рассуждать’, нвсиб. *забило все пáморочи* ‘трудно, невозможно рассуждать’ [Там же], арх., орл. *пáморочи забить* ‘привести кого-л. в состояние отупления, сбить с толку’ [КСГРС; СОГ, т. 10, с. 14]. Возможно, «ментальные» значения связаны с перцептивными, ср. перм. *разморочивать* ‘разглядеть, увидеть с трудом’: «Глаза-те худые, насилу и разморочивал» [СРНГ, т. 34, с. 26]. Значения ‘знать’ (вгл. *морóкать* [КСГРС]), ‘уметь лечить’ (ряз. *морочивать* [СРНГ, т. 18, с. 274]), ‘колдун, знахарь’ (сиб., влад. *морочу́н* [Там же]) оказываются вторичными по отношению к ‘соображать’, ‘понимать’: человек вследствие «просветления» в сознании становится обладателем определенного знания, а поэтому умеет лечить, колдовать и т. д. При этом в рамках рассматриваемого гнезда мы вновь встречаемся с энантиосемией, которая нагляднее всего проявляется, если сопоставить значения слов типа *морочиться* ‘терять рассудок, ум’ и *морочной* ‘сообразительный, мысленный’.

4. Континуанты **mork-* со значениями из сферы «Предметный мир»

Данная тематическая сфера представлена крайне малым количеством значений, которые в целом нетипичны для изучаемого гнезда и формируются на основе значений из интеллектуальной и психической сферы. К числу **предметных** значений относятся, например, новг. *оморóчка* ‘орудие лова рыбы’ [НОС, с. 721] (очевидно, с помощью этого орудия обманывают рыбу, ср. бурят. *обмáнка* ‘искусственная наживка для ловли рыбы’ [СРНГ, т. 22, с. 119]), смол. *вóморочник* ‘трава, пыльца которой вызывает головную боль’ [ССГ, т. 11, с. 192], томск. *морóчная трава* ‘растение *Lepidium rudemale* L., сем. крестоцветных; клоповник мусорный’ [СРНГ, т. 18, с. 277] (это растение тоже, по всей видимости, способно «морочить голову», поскольку обладает очень сильным запахом, отчего в просторечии называется *вонючник*) и др.

5. Выводы

Семантическая структура гнезда **mork-* в русских народных говорах включает в себя два основных смысловых блока — «Природа» и «Человек»; смысловой блок «Предметный мир» представлен малым количеством лексем, напрямую наследующих значения блока «Человек».

При этом «природный» блок — при весьма большой лексической «массе» — весьма компактен в плане реализуемых идеограмм: это преимущественно метеорологическая семантика. Что касается сферы «Человек», то она дает сопоставимое с «Природой» количество лексических единиц, но гораздо больший разброс значений: поведенческие, коммуникативные, перцептивные, относящиеся к сфере физиологии, психической, интеллектуальной деятельности, верований и мифологии, а также к предельно абстрактным областям, связанным с условиями и обстоятельствами деятельности (семантика «препятствий», «хлопот», «длительности действия» и др.). Если «природные» значения имеют ясную связь с исходной семантикой гнезда, то в значениях из «человеческой» сферы базовая семантика нередко выступает в преобразованном виде, причем возможны весьма развернутые цепочки преобразований.

Как стало понятно из предшествующего изложения, изучаемое гнездо вследствие своего семантического и фонетического своеобразия обладает высокой контаминационной активностью. Помимо скрещиваний с *моросить* и родственными ему словами (см. выше), возможны также аттракции к элементам гнезда *мор-* (арх. *вы́морочить* ‘погубить с помощью отравляющих веществ’ = *вы́морить*: «Мне послала булки девушка, два торокана в них. Почему не выморочат их?» [АОС, т. 8, с. 24]), *смород-* (ср. карел. *смóрок* ‘дурной запах’, «Два месяца в байне не был, с него уже сморок идет» [СРГК, т. 6, с. 177]), *мориц-* (бурят. *сморочёниться* ‘сморщиться, покоробиться (об обуви)’ [СРНГ, т. 39, с. 46]) и др.

Перспективу исследования составляет изучение (на заложенной в этой работе основе) других огласовок данного гнезда, что позволит наиболее полно восстановить семантическую структуру гнезда, уточнить семантические переходы и реконструировать ряд темных слов.

Источники и принятые сокращения

1. АОС — *Архангельский областной словарь* / под ред. О. Г. Гецовой. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1980. — Вып. 1 —.
2. АС — *Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь)* : в 6 вып. — Пермь : Перм. гос. ун-т, 1984—2011.
3. БТДК — *Большой толковый словарь донского казачества* / Ростов. гос. ун-т, Ф-т филологии и журналистики ; Каф. общ. и сравнительн. языкознания. — Москва : Русские словари ; Астрель ; АСТ, 2003. — 604 с.

4. ИЭРГА — *Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая* / под ред. Л. И. Шелеповой. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007—. — Т. 1—.
5. КСГРС — *Картотека* Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
6. ЛКТЭ — *Лексическая картотека* Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
7. Малеча — *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков / Н. М. Малеча. — Оренбург : Оренбургское книжное изд-во, 2002—2003. Т. 1—4.
8. НОС — *Новгородский областной словарь* / Институт лингвистических исследований РАН, изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. — Санкт-Петербург : Наука, 2010. — XXVII, 1435, [1] с.
9. *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. И. Подвысоцкий. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. Наук, 1885. — 198 с.
10. ПОС — *Псковский областной словарь с историческими данными* / под ред. Б. А. Ларина и др. — Ленинград ; Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967. — . Вып. 1—.
11. СГРС — *Словарь* говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001—. — Т. 1—.
12. СОГ — *Словарь* орловских говоров / под ред. Т. В. Бахваловой. — Ярославль ; Орел : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского ; ОГПУ, 1989—. — Вып. 1—.
13. СПГ — *Словарь* пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. — Пермь : Книжный мир, 2000—2002. — Вып. 1—2.
14. СРГБаш — *Словарь* русских говоров Башкирии : А—Я / под ред. З. П. Здобновой. — Уфа : Гилем, 2008. — 405 с.
15. СРГК — *Словарь* русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / под ред. А. С. Герда. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994—2005.
16. СРГНП — *Словарь* русских говоров Низовой Печоры / под ред. Л. А. Ивашко. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003—2005. — Т. 1—2.
17. СРГС — *Словарь* русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. — Новосибирск, 1999—2006. — Т. 1—5.
18. СРГСУ — *Словарь* русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. — Свердловск : Среднеуральское книжное изд-во ; Изд-во Урал. ун-та, 1964—1987.
19. СРГЯ — *Дружинина М. Ф.* Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Учебное пособие по русской диалектологии. А—В. — Якутск : Издательство ЯГУ им. М. К. Аммосова, 1997.
20. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров / отв. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.
21. ССГ — *Словарь* смоленских говоров / под ред. А. И. Ивановой. — Смоленск : СГПУ, 1974—2005. — Вып. 1—11.
22. СТулГ — *Романов Д. А.* Словарь тульских говоров / Д. А. Романов, Н. А. Красовская. — Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2015.

23. ЭССЯ — *Этимологический словарь* славянских языков : праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева, Ж. Ж. Варбот. — Москва : Наука, 1974— . — Вып. 1— .
24. ЯОС — *Ярославский областной словарь* / под ред. Г. Г. Мельниченко. — Ярославль : Изд-во Яросл. гос. пед. ин-та, 1981—1991. — Вып. 1—10.
25. ЯОС-Д — *Ярославский областной словарь* : Дополнения : в 2 т. / под науч. ред. Т. К. Ховриной. — Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белетич М.* Сон, смерть, судьба (наблюдения над праслав. *mora, *mara) / М. Белетич, А. Лома // *Slavica Svetlanica* / Язык и картина мира : к юбилею С. М. Толстой. — Москва : Индрик, 2013. — С. 56—75.
2. *Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне : семантико-мотивационная реконструкция / Е. Л. Березович. — Москва : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. — 487 с.
3. *Борисова Е. О.* Русская лексика со значением быстроты и медлительности в семантико-мотивационном аспекте : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01. — Екатеринбург, 2016. — 306 с.
4. *Варбот Ж. Ж.* Этимологические гнезда и лексико-семантические поля в синхронии и диахронии / Ж. Ж. Варбот // *Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов* (10—16 сентября 2008 г., Охрид). Доклады российской делегации / отв. ред. А. М. Молдован. — Москва : Индрик, 2008. — С. 84—96.
5. *Галинова Н. В.* К изучению семантической структуры гнезда *mork- в русских народных говорах / Н. В. Галинова, В. С. Трескова // *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология* : Материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 9—13 сентября 2019 / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН ; Ин-т славяноведения РАН ; Урал. федер. ун-т ; редкол. : Е. Л. Березович (отв. ред.) и др. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. — С. 85—88.
6. *Меркулова В. А.* К истории становления медицинской терминологии / В. А. Меркулова // *Slawische Wortstudien*. — Bautzen, 1972. — S. 137—138.
7. *Толстая С. М.* Семантическая реконструкция и лексическая типология / С. М. Толстая // *Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов*, Минск, 21—27 августа 2013 г. ; докл. рос. делегации. — Москва : Индрик, 2013. — С. 141—163.

SEMANTIC ORIGINALITY OF THE NEST *MORK- IN RUSSIAN DIALECTS¹

© **Natalya V. Galinova (2020)**, orcid.org/0000-0001-7290-4226, PhD in Philology, associate professor; Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin” (Yekaterinburg, Russia), ngalinova@yandex.ru.

¹ The study was supported by the RFBR grant No. 18-012-00385 “Dictionary of dialects of the Russian North: additional materials.”

The author is grateful to V.S. Treskova for help in collecting material for this article.

The article analyzes the semantic structure of the nest **mork-* 'flicker' in Russian dialects. Extensive lexical material extracted from dialect dictionaries, as well as unpublished card indexes containing materials from field collections of the Toponymic expedition of Ural University (Russian North and Upper Volga Region). A hypothesis is proposed and proved that the values of the **mork-* continuants turn out to be related to different stages of flickering, which is a return movement, when either one of the extreme points (darkness or light) comes to the fore, or the intermediate stage is actualized - movement from light to complete darkness and vice versa. A thematic and motivational classification of dialect vocabulary is carried out, during which two main semantic blocks are distinguished: "Nature" and "Man" (there is a third block — "The subject world" — but it is extremely small and contains values derived from the sphere "Man"). It is emphasized that the first block implements primarily meteorological semantics, while the second one shows a wide range of meanings (behavioral, communicative, perceptual, related to the field of physiology, mental, intellectual activity, etc.). Contamination processes are analyzed, the actants of which become elements of the nest being studied (during attraction to the extensions of *mor-*, *smorod-*, *morsh-*, etc.). An explanation of the phenomenon of enantiosemya observed in the semantic space of the studied nest is proposed.

Key words: Russian dialectology; lexicology; etymology; derivational semantics; semantic transition; etymological and derivational nest.

MATERIAL RESOURCES

- AOS — Getsova, O. G. (ed.) (1980). *Arkhangelskiy oblastnoy slovar'*, 1—. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russ.).
- AS — *Slovar' govora d. Akhim Krasnovisherskogo rayona Permskoy oblasti (Akchimskiy slovar')*: v 6 vyp. (1984—2011). Perm': Perm. gos. un-t. (In Russ.).
- BTDK — *Bolshoy tolkovyy slovar' donskogo kazachestva*. (2003). Moskva: Russkiye slovari; Astrel'; AST. (In Russ.).
- ESSYa — Trubacheva, O. N., Zhuravleva, A. F., Varbot, Zh. Zh. (eds.) (1974—). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond*, 1—. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- IERGA — Shelepova, L. I. (ed.) (2007—). *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkikh govorov Altaya*, 1—. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (In Russ.).
- KSGRS — *Kartoteka Slovarya govorov Russkogo Severa (kafedra russkogo yazyka, obshchego yazykoznaniya i recevoy kommunikatsii UrFU, Ekaterinburg)*. (In Russ.).
- LKTE — *Leksicheskaya kartoteka Toponimicheskoy ekspeditsii Uralskogo universiteta (kafedra russkogo yazyka, obshchego yazykoznaniya i recevoy kommunikatsii UrFU, Ekaterinburg)*. (In Russ.).
- Malecha — Malecha N. M. (2002—2003). *Slovar' govorov uralskikh (yaitskikh) kazakov*, 1—4. Orenburg: Orenburgskoye knizhnoye izd-vo. (In Russ.).
- NOS — Levichkin, A. N., Myznikov, S. A. (2010). *Novgorodskiy oblastnoy slovar'*. Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russ.).
- Podvysotskiy, A. I. (1885). *Slovar' oblastnogo arkhangelskogo narechiya v yego bytovom i etnograficheskom primenenii*. Sankt-Peterburg: Tip. Imp. Akad. Nauk. (In Russ.).
- POS — Larin, B. A. [i dr.] (eds.) (1967). *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi danyimi*, 1—. Leningrad; Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. (In Russ.).
- SGRS — Matveyev, A. K., Rut, M. E. (eds.) (2001—). *Slovar' govorov Russkogo Severa*, 1—. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (In Russ.).

- SOG — Bakhvalova, T. V. (ed) (1989—). *Slovar' orlovskikh govorov, 1—*. Yaroslavl'; Orel: YaGPI im. K. D. Ushinskogo; OGPU. (In Russ.).
- SPG — Borisova, A. N., Prokosheva, K. N. (eds.) (2000—2002). *Slovar' permskikh govorov, 1—2*. Perm': Knizhnyy mir. (In Russ.).
- SRGBash — Zdobnova, Z. P. (ed.) (2008). *Slovar' russkikh govorov Bashkirii: A—Ya*. Ufa: Gilem. (In Russ.).
- SRGK — Gerd, A. S. (ed.) (1994—2005). *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredelnykh oblastey: v 6 vyp.* Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. (In Russ.).
- SRGNP — Ivashko, L. A. (ed.) (2003—2005). *Slovar' russkikh govorov Nizovoy Pechory, 1—2*. Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. (In Russ.).
- SRGS — Fedorov, A. I. (ed.) (1999—2006). *Slovar' russkikh govorov Sibiri, 1—5*. Novosibirsk. (In Russ.).
- SRGSU — Matveyev, A. K. (ed.) (1964—1987). *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala: v 7 t.* Sverdlovsk: Sredneuralskoye knizhnoye izd-vo; Izd-vo Ural. un-ta. (In Russ.).
- SRGYa — Druzhinina, M. F. (1997). *Slovar' russkikh starozhilcheskikh govorov na territorii Yakutii. Uchebnoye posobiye po russkoy dialektologii. A—V*. Yakutsk: Izdatel'stvo YaGU im. M. K. Ammosova. (In Russ.).
- SRNG — Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., Myznikov, S. A. (eds.) (1965—). *Slovar' russkikh narodnykh govorov, 1—*. Moskva; Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- SSG — Ivanov, A. I. (ed.) (1974—2005). *Slovar' smolenskikh govorov, 1—11*. Smolensk: SGPU. (In Russ.).
- STulG — Romanov, D. A., Krasovskaya, N. A. (2015). *Slovar' tulskikh govorov*. Tula: Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L. N. Tolstogo. (In Russ.).
- YaOS — Melnichenko, G. G. (ed.) (1981— 1991). *Yaroslavskiy oblastnoy slovar', 1—10*. Yaroslavl': Izd-vo Yarosl. gos. ped. in-ta. (In Russ.).
- YaOS-D — Khovrina, T. K. (2015). *Yaroslavskiy oblastnoy slovar': Dopolneniya: v 2 t.* Yaroslavl': RIO YaGPU. (In Russ.).

REFERENCES

- Beletich, M., Loma, A. (2013). Son, smert', sudba (nablyudeniya nad praslav. *mora, *mara). In: *Slavica Svetlanica. Yazyk i kartina mira: k yubileyu S. M. Tolstoy*. Moskva: Indrik. 56— 75. (In Russ.).
- Berezovich, E. L. (2014). *Russkaya leksika na obshcheslavlyanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya*. Moskva: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke. (In Russ.).
- Borisova, E. O. (2016). *Russkaya leksika so znacheniyem bystryty i medlitelnosti v semantiko-motivatsionnom aspekte: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk*. Ekaterinburg. (In Russ.).
- Galinova, N. V., Treskova, V. S. (2019). K izucheniyu semanticheskoy struktury gnezda *mork- v russkikh narodnykh govorakh. In: *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: Materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. Ekaterinburg, 9—13 sentyabrya 2019*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. 85—88. (In Russ.).
- Merkulova, V. A. (1972). K istorii stanovleniya meditsinskoy terminologii. In: *Slawische Wortstudien*. Bautzen. 137—138. (In Russ.).

- Tolstaya, S. M. (2013). Semanticheskaya rekonstruktsiya i leksicheskaya tipologiya. In: *Slavyanskoye yazykoznanie. XV Mezhdunarodnyy syezd slavistov, Minsk, 21—27 avgusta 2013 g.; dokl. ros. delegatsii*. Moskva: Indrik. 141—163. (In Russ.).
- Varbot, Zh. Zh. (2008). Etimologicheskiye gnezda i leksiko-semanticheskiye polya v sinkhronii i diakhronii. In: *Slavyanskoye yazykoznanie. XIV Mezhdunarodnyy syezd slavistov (10—16 sentyabrya 2008 g., Okhrid). Doklady rossiyskoy delegatsii*. Moskva: Indrik. 84—96. (In Russ.).